

Н. В. КАШОВСКАЯ

ЗАМЕТКИ ПО ИУДЕЙСКОЙ ЭПИГРАФИКЕ МАНГУПА

Из эпиграфического собрания крымских еврейскоязычных памятников интерес вызывают эпитафии с датировками, которые имеют конкретное значение для определения времени появления могильников. Для кладбища Табана-Дере одной из таких надписей является эпитафия с именем “Ефросиния”.

В 30-х годах XIX в. П.Кеппен, пребывая в Крыму, посетил Мангуп по настоятельному совету “караимского раввина” (так его назвал П.Кеппен) Мордехая Султанского. К 1833 г. “рассказ” раввина об исторических судьбах караимов был на тот момент единственным историографическим описанием: они (караимы) появились в Крыму вместе с татарами, переселившись из Персии, Бухарии и Черкесии. Мангуп заселили выходцы из Старого Крыма и Кафы (т.е. восточно-черноморские корни) и было караимов на Мангупе около 300 семей [1, с. 268; 2, с. 410]. Надгробие с датой 5034 г. по эре Творения (1274 г. по Р.Х.) М.Султанский отметил как самое раннее. П.Кеппен сам видел “на жидовском кладбище надгробные камни с нечеткими уже надписями”, в группу которых, вероятно, входил и этот надгробный памятник, ибо о нем путешественник пишет также, как о самом древнем “камне” на кладбище [3, с. 26]. Несмотря на “эпиграфические трудности”, он попытался дать им описание и хронологическую характеристику, которая была первой подобной оценкой. Нетрудно заметить, что точка зрения М.Султанского была принята исследователем и надолго стала, благодаря П.Кеппену, определяющей. Следуя ей, Мангуп был основан в византийские времена (VI в.) и дальнейшая история поселения объяснялась в связи с покорением его “козарами” после 754 г. [3, с. 261]. Появление иудеев на Мангупе, таким образом, связывалось с хазарами опосредованно – как следствие хазарской иудаизации, и отодвигалось к XIII в.

В то же время, в 40-х гг. XIX в. началась собирательская и исследовательская деятельность будущего караимского историографа А.С.Фирковича. Собиратель караимских древностей бывал на Мангупе не раз, как отмечали о том сам А.С.Фиркович и его биограф В.Л.Вихнович [4, с. 111]. Результатом его посещений разрушенной крепости стал свод надписей с надгробных памятников кладбища в ущелье Табана-Дере, которое оставило караимское поселение. По мнению А.С.Фирковича, оно существовало на Мангупе с IX в. н.э.! Собрание надписей “из Мангупа” содержит 71 эпитафию. “Корпус” открывает надпись под № 1 с самой ранней (по определению составителя) для этого некрополя датой – 631 г. от эры Творения по “малому счислению”, что соответствует 871 г. христианской эры [5, с. 211] и замыкает эпитафия с памятника 5537 г. по эре Творения (1777 г. по Р.Х.).

В 1914 г. С.М.Дубнов (видный еврейский историк, руководитель Петербургского Еврейского историко-этнографического общества) исследовал коллекцию 60-ти копий надписей с этого кладбища, собранную Гидалевичем во время работ Р.Х.Лепера 1912 года [6]. Собрание было опубликовано в журнале “Еврейская старина”, но только в количестве 50-ти эпитафий. Как наиболее ранняя новый свод представила эпитафия 5147 г. (1387 г.) с именем Ефросиния [это надгробие первый раз указано в Авнэ-Зиккарон А.С.Фирковичем под № 28 – 5, с. 213]. Однако С.М.Дубнов высказал ряд сомнений, которые вызывала у него эта эпитафия. Прежде всего, наличие только копий надписи: оттиска и плохой по качеству фотографии. Это обстоятельство не позволило ему, как отмечал сам С.М.Дубнов, вычитать дату верно. Поэтому он разбирает и датирует эпитафию по имени и украшающему памятник орнаменту. Ученый считал, что “Ефросиния и, вообще, греческие имена не встречаются в остальных памятниках, начинающихся с XVI века. Из этого я заключаю, что данный памятник относится к концу XIV в., т.е. “генуэзскому периоду” [7, с. 14]. Традиция употребления “евреями Тавриды” греческих и итальянских имен отмечается им как позднее явление. Из этого заключения следует, что могильник мог возникнуть также и в XIV в. [7, с. 14]. В каталоге С.М.Дубнова еще 36 эпитафий датируются от 1505 до 1730 гг. и 13 – не датированы. Следует отметить, что свое мнение С.М.Дубнов формирует на незначительной группе надписей, тем более представленных ему в копиях, надежность которых он сам не мог подтвердить. Р.Х.Лепер, возглавлявший академические археологические работы 1912 г., в план которых входило изучение надгробий кладбища Табана-Дере Гидалевичем, в публикациях разных лет несколько раз менял раннюю дату виденных им памятников: от X до XV века [6, с. 154; 8, с. 297].

Оба собрания мангупских надписей (А.С.Фирковича и С.М.Дубнова) охватили всего 107 эпитафий, причем, во многом спорных и неточных. В настоящее время назрела необходимость обобщить имеющиеся сведения и проверить точность датировок.

В течение ряда лет (1990-1995 гг.) мною проводились работы на могильнике с целью максимального обнаружения уцелевших надгробий, их паспортизации, топографической фиксации, составления каталога надписей и их датирования. Паспортизация заключалась в том, что каждое надгробие помечалось номером, который наносился на тыльную или боковую сторону в нижнем участке памятника масляной краской или лаком; этот порядковый номер заносился в атрибутивную карточку. Каждый памятник (независимо от того, вырезан ли на нем текст или нет) описывался, зарисовывался, фотографировался с трех позиций (общий вид, фасадная сторона и отдельно – эпитафия). Картографирование всего ущелья Табана-Дере позволило топографически зафиксировать расположение могильника по склонам и получить представление о его “развитии”.

Могильник имеет протяженность порядка восьмисот метров и площадь около трех гектаров. Внутри он разбивается на ряд условных секторов, которые образованы рельефом ущелья. Большинство участков – это искусственно созданные террасы. Нарезка новых участков-террас осуществлялась по мере “их заполнения”. В ходе работ на могильнике обнаружены 1008 надгробных памятников, которые и были зафиксированы на карте. Из них только 223 надгробия снабжены текстами, что составляет одну пятую от всего объема.

Надгробный памятник с именем Ефросиния был мною отмечен номером 825. Надгробие, о котором упоминали М.Султанский и П.Кеппен, – под № 848. Участок склона Чамны-Бурун, где находятся оба надгробия, расположен в 40 м от крепостной стены времени постройки 1502 г. [стена А по планам А.Г.Герцена – 9, с. 262, рис. 30].

Надгробие Ефросинии выполнено из цельного куска известняка. По архитектурной форме – это двухступенчатый постамент, на котором возвышается вытянутая по длине двухрожковая конструкция; ее габариты: высота – 570 см, ширина – 750 см, длина самых дальних точек – 1650 см. Такой тип надгробного памятника получил в историографии название “двурогий”. По первым описаниям кладбища и его памятников было составлено мнение, что самой распространенной (если не единственной) формой надгробий являются “рогатые” памятники. Тем более, что никто из историографов не объяснял следствием чего и под чьим влиянием сложилось представление о двурогой и однорогой формах надгробий, как типично “жидовских” [10, с. 64; 1, с. 268] или караимских [2, с. 406]. К концу XIX – началу XX вв. в краеведческой литературе такая форма памятников стала мифологизироваться и появились караимские “колыбельки”, “сёдла”, “луки” – те эпитеты, которыми авторы дополняли описания “рогатых” надгробий [11, с. 8; 12, с. 37-41]. Постепенно утвердилось мнение об этой форме, как о доминирующей и отличительной для караимских кладбищ. “Рогатых” надгробий на кладбище 564. Отдельные образцы отличаются от всего массива строго выточенными профилям, разнообразным резным орнаментом, покрывающим фасадные и боковые плоскости. Такой тип памятника, на мой взгляд, морфологически связан своим происхождением с районами Малой Азии, в частности, территорией современной Турции. Декоративное убранство этих надгробий объясняется корневыми связями с тем же регионом. Ленточные плетения, создающие геометрические фигуры, одинокие пяти-, шести- и многоконечные звезды, цепочки из сплетающихся звезд появились с X-XI вв. и стали распространяться в орнаментике Ирана, Малой Азии, Закавказья через сельджукское искусство, которое впитывало иранские мотивы [13, с. 244, 247, 255; 14, с. 286; 15, с. 38-41]. Интересующее нас надгробие № 825, как и те, что окружают его, – однотипные памятники. Они украшены “виноградной плетенкой” (№ 828), розетками (№ 831). Аналогии им имеются на памятниках, происходящих из Ирана и Малой Азии [16; 13, с. 244, 247, 255; 14, с. 286; 1, с. 268; 15, с. 38-41, 148-149]. Фасадный рожок надгробия Ефросинии (несколько выше тыльного) завершается граненым усеченным конусом, на котором возвышается “шапочка” восьмигранной формы. В верхней части рожка вырезано рельефное изображение помещенного в круг многолепесткового цветка. На боковых гранях этого рожка в овалах вырезано по шестилепестковому цветку. Второй (тыльный) рожок не имеет декоративного орнамента или навершия. Мастер только придал ему слегка скругленную форму, и потому плоскости его получили арочное завершение. Оба рожка украшены прорезанными двойными рамками. Все поверхности памятника тщательно отшлифованы, грани сохранили геометрически правильные вертикальные и горизонтальные профили.

Надпись, словно призванная завершить декоративное оформление памятника, расположена на фасадной плоскости под цветком и занимает центральное положение. Строки вырезаны в одном интервале, но последняя строка опущена на 20 см ниже предыдущей. Тем самым было достигнуто деление фасадной плоскости на три равных участка. Надпись проста по стилю.

מצבת קבורת
אפרסיני
בת יוסף שנת
ה'קמ"ז

Наше пристальное внимание к данной эпитафии объясняется ее первым номером в каталоге С.М.Дубнова и тем, что не все буквы, участвовавшие в составлении формулы даты, сохранились одинаково хорошо и две из них вызвали сомнение в правильности их прочтения. Скепсис увеличивается и при комплексном рассмотрении памятника. Архитектурные детали и орнамент позволяют отнести его к позднеконстантинопольскому (раннеамбульскому) времени [16], т.е. обозначить дату серединой XV в.

Рассмотрим эпитафию. Вырезана она крупным квадратным шрифтом, рукописного варианта. Содержит довольно краткий текст: “Памятник могилы Ефросинии, дочери Йосефа 5147 году” (по С.М.Дубнову) или 5216 г. (по Н.В.Кашовской). Такого или близкого по содержанию стиля эпитафийные тексты происходили из Средиземноморья, Боспора еще в античное время [17, с. 113; 18, с. 165; 19, с. 428, 718; 20, с. 133-138, 140, 142, 348; 21, с. 21] и, ставшие традиционными, продолжали там же сохраняться. В средневековье из восточного Средиземноморья с таким же стилем происходят арабоязычные эпитафии, причем В.А.Крачковская отмечала, что “конструкция текста ... соответствует традиционной и часто встречаемой форме” [22, с. 61]. Формула даты требует тщательного рассмотрения из-за плохой своей сохранности к моменту последней ее фиксации. Датировка эпитафии № 825 зафиксирована буквами: ז מ ק פ. “Заин” вырезан в виде латинской z. Вся формула даты резко отличается своим почерком от всего текста. Буква ק “коф” вырезана неравномерно и совсем иначе, чем в слове קבורת этой же эпитафии. Они различаются по форме “написания”, размерами, глубиной рисок. В слове קבורת вертикальная черта “коф” – это левый составляющий букву элемент – вырезана по всей длине на одинаковой глубине – 15 мм, при размерах буквы 30x15x20 мм, правый элемент вырезан как две сходящиеся под прямым углом линии. Буква вырезана в одном почерковом стиле всего слова и надписи. Но буквы “коф” и “мем” в дате нарушают единство почерка формулы. “Мем” и “коф” употреблялись выше в надписи, в словах: מצבת קבורת. Поэтому, эти две буквы, участвовавшие в образовании даты, вызывают сомнение в признании их за оригинал. Составляющие элементы буквы “коф” прорезаны неравномерно: левая вертикальная черта от “коф” едва “уходит” вглубь камня и глубина риски колеблется от 8 до 5 мм, в то время как правый элемент врезан на глубину 15 мм и имеет скругление верхнего правого угла. Своей формой эта деталь копирует букву “реш” в словах קבורת и אפר סיני данной надписи. Непропорциональность двух неотъемлемых элементов, составляющих одну букву, может быть объяснена не одновременностью выполнения резьбы. Поэтому мы склонны видеть на месте сотни “реш”, но не “коф”. Наше мнение подтверждается параллелями, которые мы находим рядом на соседних надгробиях. Дата на двух, соседних памятниках №№ 828 и 832 (номера по авторскому каталогу) выражена буквами ז מ ק פ. Здесь же, в радиусе 30 метров, расположены еще 10 памятников, датировка которых начинается קר, а десятки выражены буквами ל כ или через комбинацию букв ז מ: Таким образом, десяток надгробий замыкается в пределах первых 30 лет второго столетия 5-го тысячелетия по Эре Творения, что соответственно может быть выражено в христианском счислении 40-70-ми годами XV столетия. О букве, стоящей на месте десятка, замечу лишь то, что это была не “мем”, которую в оттиске увидел С.М.Дубнов, а совершенно четко видимая буква “тет”. Ее образующая линия закруглена и завернута каллиграфически правильно: одной непрерывающейся линией резчик вел “тет”, начав с верхней левой точки, и завершил правый верхний угол петлей во внутрь.

Вплотную к памятнику Ефросинии примыкает надгробие, которое отмечено номером 828, второй дочери Йосефа, Эстер. Его не опубликовал до этого времени ни один из предшественников: П.Кеппен, А.Фиркович, С.Дубнов. Выполнено оно в том же архитектурном типе “рогатых”. Однорогое надгробие, украшенное ажурной каменной резьбой из переплетений геометрических фигур и виноградной лозы. На фасадной стороне рожка трехстрочная надпись, по стилю она идентична эпитафии на надгробии №825.

מצבת קבר
אסתר בת
יוסף שתנ ה ר ט ו

Хорошая сохранность надписи не допускает никаких разночтений и вариантов как всей эпитафии, так и формулы даты. Все буквы, составляющие дату, четко прочтываются, десяток передан в комбинации букв טו, а сотня – без всяких сомнений передана буквой ט ["реш"]. Такая прямая аналогия убеждает в окончательном варианте прочтении даты на памятнике Ефросинии: טו ר ט ו.

Интервал бесспорных дат установлен в диапазоне от 5204 г. (по еврейскому счислению) или 1444 г. (Р.Х.) до 5546 (1786 г.), достаточно равномерно “заполняя” каждое столетие, что хорошо видно на карте-схеме. Датированные памятники позволяют проследить развитие топографии и хронологию некрополя. Наложив их на карту, мы получаем достоверную картину распределения погребальных участков. Хорошо выделяются зоны “функционирования” некрополя в пределах столетия, что отражает зависимость от численности общины. Так, погребения с 1444 по 1550 гг. занимают склон Чамны-бурун; ниже, на широком дне оврага расположены надгробия с 1580 по 1640 гг. В период с 1660 по 1786 гг. некрополь “развивался” вверх по обоим склонам ущелья. Во все временные периоды сохранялась единая ориентация погребенных – головой на юго-восток. Надгробие устанавливалось над ямой, параллельно ей, и располагалось надписью к северо-западу. Ориентация костяков восстанавливается по материалам раскопок 1990-1992 гг. Ю.М.Могаричева и О.Б.Белого и по зачищенным грабленым погребениям, которые при своей единичности, но обнаруженные в разных участках могильника, все же позволяют составить общую картину. Таким образом, условия рельефа влияли на схему развития могильника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кондараки В.Х. В память столетия Крыма. 1883.
2. Марков Е. Очерки Крыма. СПб., 1903.
3. Кеппен П.И. Крымский сборник. СПб., 1837.
4. Вихнович В.Л. Караим Авраам Фиркович. Еврейские рукописи. История. Путешествия. СПб., 1997.
5. Фиркович А.С. Сефер Авнэ-Зиккарон. Вильно, 1872 (на иврите).
6. Лепер Р.Х. Археологические исследования на Мангуле в 1912 г. // ИАК. 1913. № 47.
7. Дубнов С.М. Историческая тайна Крыма. II. Памятники Мангун-Кале // Еврейская старина. 1914. Т.VII.
8. Лепер Р.Х. Сообщение Лепера Р.Х. о раскопках на Мангуле // ИТУАК. Симферополь, 1914. Вып.14.
9. Герцен А.Г. Крепостной ансамбль Мангула // МАИЭТ. 1990. Вып.1.
10. Паллас П.-С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным местностям Русского государства в 1793-1794 годах. М., 1999.
11. Кокизов Ю.Д. Сорок четыре надгробных памятника. СПб., 1910.
12. Фиркович М.Я. Старинный караимский городок Калэ. Вильно, 1907.

13. Даркевич В.П. Связи Восточной Европы со странами Азии и Византии в IX–XIII вв. М., 1976.
14. Бороздин И.Н. Солхат // Новый Восток. М., 1926.
15. Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960.
16. Rozen M. Haskoy Cemetery. Typology of Stones. University of Pennsylvania University of Tel-Aviv, 1994.
17. Левинская И.А. Деяния апостолов на фоне еврейской диаспоры. СПб., 2000.
18. Кашаев С.В., Кашовская Н.В. Новые боспорские надгробия // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образование государств. СПб., 2001.
19. Корпус Боспорских надписей. М., 1965.
20. Хвольсон Д.А. Сборник еврейских надписей. СПб., 1884.
21. Яйленко В.П. Материалы по Боспорской эпиграфике // Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и Античного Северного Причерноморья. М., 1987.
22. Крачковская В.А. Эпиграфика Средней Азии // Эпиграфика Востока. 1953. №7.

KASHOVSKAYA N. V.
NOTES ON JEWISH EPIGRAPHY IN MANGUP
Summary

From the epigraphic collection of Crimean monuments with inscriptions in the Jewish language epitaphs with dates are of concrete importance for dating the emergence of cemeteries. For the cemetery of Tabana-Dere one of such inscriptions is the epitaph with the name of "Euphrosyne". In two different in period of composition and publication collections of epitaphs from this cemetery the mentioned gravestone records one date 5147 (1387), but it marked by different catalogue numbers – № 28 [5, P.213] and N 1 [7, P.14]. Such location in catalogues reflected conceptual positions of two authors. Subsequent publications concerning the cemetery directly or indirectly broached only appreciation of authors. It was only in the 90s of the 20th century when it became possible to realize the necessity to investigate the cemetery again.

In 1990–1995 the author undertook some research work on the cemetery to reveal as many grave tombs as possible, make records, to record its topography, to compile catalogue of inscriptions and their dating.

The gravestone to Euphrosyne was marked by N 825. The gravestone to her probable sister (the second daughter of Joseph, Ester), found next to the monument to Euphrosyne, was marked by № 828. Neither P.Keppen nor A.Firkovich nor S.Dubnov ever published it. The inscription to Ester has been well preserved; the whole epitaph and dating are read quite clearly. The epitaph № 828 is dated by 5215 according to the era of Creation (1455 AD), by letters "gey", "resh", "tet", "vav". All the letters that constitute the date are read distinctly; tens are represented by the combination of letters ט, hundred – undoubtedly, by letter "resh". According to the style of epitaph both inscriptions – 825 and 828 – are identical. Having examined the inscriptions thoroughly by prints, photographs, having measured them, scrutinizing on the gravestones themselves at different angles and light, the direction of cuts and their depths, we came to a conclusion that the date of the monument to Euphrosyne can be read only as הַרְטָז by the combination of letters "gey", "resh", "tet", "zein", hence 5216 according to era of Creation (1456 AD).

The interval of indisputable dates was established in chronological range from 5204 (according to Jewish numeration) or 1444 AD to 5546 (1786), 'filling' in each century rather uniformly. Dated monuments enable us to trace the development of topography and chronology of the necropolis.